

НАТАЛЬЯ
ШНЕЙДЕР

ЭРИС
ШЕЙД

НЕПРАВИЛЬНАЯ
Ликсис
РЕКТОРА

Наталья Шнейдер

**Неправильная. Эликсир
ректора. Книга 2**

«Автор»

«Автор»

2026

Шнейдер Н.

Неправильная. Эликсир ректора. Книга 2 / Н. Шнейдер —
«Автор», «Автор», 2026

Я — Эйра Фростгард. Для отца-генерала я пустое место; недостойная его фамилии. Для ректора Рейвена — «выскачка в юбке», которой не место в военной медицине. Он намерен выжить меня из академии, превратить учебу в ежедневную пытку и ждет, когда я сломаюсь. Но у меня нет выбора. На кону — жизнь моей сестры. А значит, я должна пройти через все, чтобы найти способ ее спасти. Но когда над академией и городом сгустится магическая тьма, нам придется вместе вскрывать не только раны больных, но и раны в собственных душах.

© Шнейдер Н., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5. Альтер Рейвен	17
Глава 6	20
Глава 7. Эйра Фростгард	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эрис Шейд, Наталья Шнейдер

Неправильная. Эликсир ректора. Книга 2

Глава 1

Воздух перед нами дрогнул, уплотнился. Снова зазвенело. Багровые, синие, зеленые кусочки «Древа жизни» градом сыпались на пол, отскакивали от щита, крошились на еще более мелкие, разлетаясь во все стороны.

— Лечь! — рявкнул Крайт

Я дернулась вниз.

Багровый осколок, длинный и острый взлетел по ту сторону щита. Крайт отклонился — недостаточно быстро. Стекло полоснуло его по шее.

В витрину с лимфатической системой струей ударила кровь. Профессор пошатнулся, прижал ладонь к ране и рухнул на колено.

Кто-то заорал, завизжала Марта.

Грэм выскочил вперед раньше, чем кто-нибудь успел его остановить. Магия вспыхнула в вытянутой руке.

— Стой! — гаркнул Майлз.

Поздно.

Заклинание Грэма ударило старшекурсника в грудь, оставив ожог. Тот не вскрикнул. Посмотрел на рану, на лице отразилось что-то вроде удивления. Поднял голову.

— Всем на пол! — заорал Майлз. Бросился к Марте, сбивая ее с ног.

Старшекурсник махнул рукой.

Харт вцепился в ворот Дюка и рванул вниз; второй рукой успел зацепить Берна. Родхарт оказался рядом со мной. Воздух вокруг нас сжался, по коже прошел холодок.

Ударная волна прошла по залу. Витрины лопнули одновременно.

Майлза вместе с Мартой протащило по полу. Грэма подбросило и швырнуло куда-то между шкафами. Харт исчез из виду в куче тел и стекла. Кто-то врезался спиной в высокую витрину, она качнулась и рухнула следом.

Щит Родхарта выгнулся. Парень выругался сквозь зубы, опустил на одно колено, но удержал.

Удар прекратился так же внезапно, как начался.

Щит перед нами задрожал и погас. Родхарт сложился, оперся ладонью о пол, тяжело дыша.

Я подняла голову.

Старшекурсник стоял посреди разгромленного зала.

Вокруг него оседала стеклянная пыль. За спиной зияла дыра на месте «Древа жизни», на полу вперемешку лежали цветные осколки, обломки витрин и люди.

И кровь. Очень много крови.

Старшекурсник медленно огляделся, словно изучая, что натворил. Мне захотелось стать маленькой и незаметной, но все что я могла — стоять не шевелясь и надеяться, что сойду за не слишком ценный экспонат..

Грэм не двигался. Марта всхлипывала где-то под Майлзом. Из кучи у стены долетел чей-то стон.

Старшекурсник посмотрел на все это без малейшего интереса.

Потом повернулся к окну.

— Какого... — выдохнул Родхарт.

Тот просто пошел через зал. Остановить его больше никто не пытался. Парень дошел до огромного стекла, даже не замедлив шага. Зазвенело. Створки и рама разлетелись наружу, и старшекурсник исчез.

Просто шагнул вниз со второго этажа.

Несколько секунд я смотрела на пустой проем.

Снизу закричали.

И только тогда слышала, как кто-то зовет:

— Берн! Берн, мать твою, смотри на меня!

Харт.

Я дернулась на голос — и увидела Крайта. Он уже лежал на боку возле разбитого шкафа. Одна рука упиралась в пол, второй он все еще зажимал шею. Кровь пропитала ворот, стекала по груди и растекалась алой лужей.

Ослепительно алой, до рези в глазах.

Я сама не поняла, как оказалась рядом. Рухнула на колени прямо в лужу крови.

— Держите!

— Фростгард, отойдите!

— Вы в своем...

— Колониальный мор. Я заражен. Вы — пока нет.

Ледяной узел, что так и не развязался внутри, пророс острыми иглами.

Колониальный мор. Я снова увидела окровавленное лицо старшекурсника. Стекло в руке, на которое ему было плевать. Невероятную скорость. Пустое равнодушие к собственному телу.

Нам всем конец. Всем, потому что в этом месиве окровавленного стекла и тел не заразиться почти невозможно.

— Фростгард!

Крайт попытался оттолкнуть мою руку.

— Не тратьте на меня магию. Здесь есть те, кому она еще поможет.

— Профессор, разуйте глаза, — огрызнулась я.

Он повернул голову и медленно опустил веки. Лицо из бледного стало серым.

Я накрыла его ладонь своей.

— Сдохнуть мы всегда успеем. Но лучше бы попозже.

Кровь, горячая и липкая, заструилась у меня между пальцами.

Пару минут назад я рассматривала идеальный препарат, на котором сонная артерия выглядела чистой и аккуратной, освобожденная от всего, что мешало любоваться.

Сейчас в ране виднелось кровавое месиво, из которого нужно было собрать сосуд прежде чем Крайт истечет кровью.

— Держите крепче, — велела я и потянулась магией. Осколок прошел по косой, к счастью, не перерезав артерию целиком, но проделав в ней изрядную дыру.

— Не зря... дал вам шею. — хмыкнул он. — Может, усвоили что-то.

Кажется, я сама его сейчас придушу.

Я нащупала магией разошедшиеся края сосуда и попыталась стянуть.

— Поперек, — выдохнул Крайт.

— Что?

— Сосуды сшивают поперек... чтобы не сузить просвет.

— Поняла.

Я изменила направление воздействия. Получалось отвратительно. Я стягивала ткани как умела, думая только о том что при артериальном кровотечении такой силы смертельная кровопотеря — дело буквально минут.

Потрясающе своевременно я это вспомнила.

Магический шов все же собрался.

— Можете убирать руку, — сказала я.

Крайт приподнял один палец. Потом другой.

Не рвануло.

Я тихо выдохнула и начала затягивать порез на мышце.

— Красиво не получилось. — призналась я.

— Переживу, — фыркнул он.

Хотела бы я на это надеяться.

Я поднялась с колен. Штаны прилипли к ногам. Огляделась. На музей это место больше не походило.

Глава 2

Кровь. На полу. На обломках шкафов. На препаратах — точнее, на том, что от них осталось. На моих руках — я машинально потерла ладони о штаны и обнаружила, что испачкала их еще сильнее. К горлу подкатило. Я заставила себя вдохнуть поглубже, но стало только хуже — металлический запах заглушил даже вонь консервирующего раствора.

Кто-то стонал, кто-то ругался, кто-то звал маму или тормозил соседа. Майлз зашевелился рядом с Мартой. Родхарт скрючился на одном колене, опираясь обеими ладонями об пол.

Я слотнула горький ком. В больнице я успела навидаться всякого — но там были чужие люди. Я не знала, как они ржут за обедом, как бесят подколками, как подсовывают нужный конспект.

Как неделю назад бывший полным ублюдком тип закрывает тебя щитом просто потому что ты оказалась рядом.

Я снова обтерла руки об себя — теперь уже о талию. Кажется, последний относительно сухой кусок мундира перестал быть сухим. Посмотрела на свои ладони, с прорисованными алым линиями.

Колониальный мор.

— Не смей сдыхать, придурок! — закричал кто-то.

Я подняла голову.

Харт стоял на коленях над Берном. Дюк — по другую сторону. Китель на Берне они разорвали вместе с рубахой.

Из-под правого ребра торчал длинный когда-то синий осколок.

Берн дышал часто и мелко, будто собака на жаре и все тянулся ощупать рану, а Дюк ловил его руки, не давая. Между ладоней Харта светилась целительская магия.

Я шагнула к ним. Колени едва держали. Под ногами хрустнуло.

— Фростгард, — Дюк поднял голову. — Ты правда в больнице...

— Руки держи! — одернул его Харт. — А ты лежи смирно, разворотишь все нахрен.

Мы встретились взглядами.

Как-то к нам привезли парня, которого сосед по пьяни пырнул отверткой в печень. Он истек кровью в приемном покое до того как дежурный целитель успел его осмотреть.

Твою мать.

Берн попытался вдохнуть глубже — вскрикнул и закашлялся. Осколок в ране задержался. Берн закричал.

— Держи! — воскликнул Харт. Снова посмотрел на меня. — Я остановил, что увидел. Без толку.

Я опустилась рядом. На белом лице Берна губы и нос выделялись синим. Лоб покрылся мелким потом.

— Куда-то внутрь кровит, — сказала я.

Харт посмотрел на него, потом на меня.

— Тебе откуда знать.

— Видела.

— И что делать?

— Не знаю.

Он огляделся.

— Профессор! Профессор Крайт!

Ресницы Крайта не дрогнули. Отключился или... Не думать. Не сейчас.

Берн снова закашлялся вперемешку с криком. На губах появилась кровь. Он растерянно слизнул ее, будто не понимая, откуда она взялась.

Дюк побелел еще сильнее.

— Это что?

Я посмотрела на осколок. Зачем-то вытянула ладонь параллельно ему, провела вперед, представляя вскрытый труп.

Печень. Сразу над ней — диафрагма. Выше...

— Легкое, — сказала я. — Стекло дошло до легкого.

— С-с-сука, — выдохнул Харт.

— Вытащить? — дернулся Дюк.

— Не смей! — рявкнули мы оба.

— Значит, надо связывать вдоль стекла, — сказал Харт. — Как получится.

Дюк вдруг хлестнул Берна по щеке.

— Отрубился!

— Лови рану, ты снизу, я сверху — сказала я.

Я потянулась магией, как умела, сквозь ткани, туда, к ране. Получалось куда хуже чем с Крайтом. Там я хотя бы видела, с чем работать. Здесь тыкалась на ощупь.

Не просто же так тогда Рейвен разворотил пациента от горла до паха. Только сейчас с нами его не было.

Никого не было, кроме нас самих.

Грудная клетка Берна судорожно поднялась — и опала.

— Дыши, сволочь! — Дюк склонился над ним, запрокидывая голову, как учили на первой помощи.

— Нет! — вскрикнула я.

— Что?

— Кровь. У него на губах кровь.

Дюк заколебался.

Харт положил ладони на грудину — и замер.

— С каждым толчком та дрянь внутри будет расхреначивать все вокруг. — сказал он.

— Да.

Я снова потянулась в рану. Остановить кровь там, где можно остановить. Магия потекла — и рассыпалась. Какую-то долю секунды я пыталась понять, что это значит. Потянулась еще раз.

Пустота.

Как будто под руками уже не было ничего живого, за что могла бы зацепиться магия.

До меня, наконец, дошло.

— Харт. — окликнула я.

Он дернул плечом.

— Харт! — сказала я уже громче.

Дюк понял первым.

— Все?

Я кивнула. Горло перехватило.

— Нет. — сказал Харт.

Дюк молча взял его за плечи, заставляя распрямиться. Обнял. Губы у него дрожали.

Я встала и отвернулась.

Марта смотрела на меня огромными глазами.

— Он...

Майлз встретился со мной взглядом. Я едва заметно качнула головой. Он сглотнул.

— Встать можешь? — Вместе с Майлзом мы вздернули ее на ноги. Я оглядела ее: — Цела?

Ни пятнышка крови на форме.

Повезло. Хоть кому-то сегодня повезло.

— Вроде да, — всхлипнула она.

— Беги за помощью.

— Но... — подбородок у нее трясся.

— Бегом! — рявкнула я. — Пока еще кто-нибудь не умер!

Она всхлипнула. Шагнула раз, другой. Покачнулась и мы с Майлзом одновременно дернулись ловить, но Марта выпрямилась и побежала. По-настоящему.

Глава 3

— Что за нахрен это было? — выдохнул Майлз.

— Крайт сказал, колониальный мор, — ответила я.

Он выругался. Выпрямился, хотя сам еще стоял не слишком уверенно, и рявкнул так, что даже Крайт открыл глаза:

— Слушаем меня все! К профессору без необходимости не подходить, руками его не трогать!

— Как особо ценный экспонат, — буркнул Крайт и снова опустил веки. Выглядел он откровенно паршиво.

— К цветному стеклу не прикасаться, если не хотите сдохнуть! Всем ясно?

В ответ донеслось нестройное:

— Да...

— Понял...

— Всем ясно?! — жестче повторил Майлз.

— Да! — гаркнули уже почти одновременно.

Майлз коротко кивнул. Оглядел меня с ног до головы.

— Твоя кровь?

Я тоже опустила взгляд. Штаны до колен. Руки. Живот, где я вытирала ладони об мундир — кажется, проще было найти место, куда кровь не попала.

— Крайта.

Взгляд Майлза метнулся к профессору — тот, услышав свое имя не шевельнулся — к цветным осколкам вокруг него.

— В раны не лезь.

— Не дура.

Он снова повернулся к остальным.

— У кого на руках чужая кровь — в открытые раны не лезем! Кто может встать — встает! Смотрим на себя, потом на соседа!

Все зашевелились. Кто-то поднялся сам. Кто-то с помощью товарища. Одни ругались, другие стонали, кто-то нервно рассмеялся.

— И особенно внимательно смотрим на притихшего соседа, — добавила я.

— Если сосед не отвечает, путается, не может подняться — орете мне! — перевел Майлз для остальных. — Мелочь затягиваем сами, кто умеет! Кто не умеет — просит того, кто умеет.

Крови по-прежнему было слишком много — на лицах, форме, на полу. Но теперь один ругался, зажимая рассеченное предплечье. Другой ощупывал разбитый нос. Третий поднимался — медленно, будто старик, но поднимался.

Живы. Живых гораздо больше, чем мне показалось поначалу. Стянувший грудь ледяной обруч начал таять.

— Фростгард, — окликнул меня Майлз.

Я обернулась.

— Ты работала в больнице.

— Медсестрой.

— Но все равно знаешь больше чем любой из нас.

Я кивнула.

— Смотри, как умеешь. Ты говоришь, что делать, я решаю, кому.

Я сглотнула.

— Если я буду знать, что делать.

Я ведь даже не медсестра! Твою ж...

— Само собой, — кивнул Майлз.

Я огляделась.

Лица исчезли. Не совсем, конечно. Краем сознания я помнила, что вон тот кудрявый вчера за обедом пытался стащить у Роя котлету. Что вон тот, лежащий, спит через две койки от меня и матерится по утрам, когда трубят подъем. Что вот эти пальцы, зажимающие рану на предплечье — а кровь все равно течет — Дерек.

Я затащила рану прежде чем поняла, что именно делаю, и заставила себя забыть имена. Они мешали. Сейчас — только травмы.

Лицо залито кровью — выглядит жутко, но сидит сам, взгляд ясный и плевать явно не собирается.

Нога неестественно подвернута, орет во всю глотку — неудивительно, боль должно быть дикая. Но раз орет, значит пока дышит и в сознании, до него доберусь позже.

Кто-то держится за ребра и старается дышать очень осторожно, но все же не задыхается.

А вот этот просто тихо сидит. Чересчур тихо. И даже не тянется к ране на голове, из которой кровь течет по виску, пропитывая форму.

Я присела рядом.

— Эй. Слышишь меня?

Он моргнул. Еще раз. Наконец, все же ответил.

— Да.

— Как тебя зовут?

Снова пауза.

— Дейл.

— Где мы?

Он посмотрел по сторонам, нахмурился, будто я задавала невероятно сложный вопрос. Взгляд опять заскользил по разбитым шкафам, по крови, вернулся ко мне.

— На... занятии.

Зрачки вроде одинаковые. Я продолжала расспрашивать. Конечности чувствует. Шевелить ими может. Тошнит и кружится голова.

Хреново.

Рассечение кровило сильно, как и положено ране в волосах, но стянуть можно было бы за пару секунд. Если бы я знала, что творится под кожей. Цела ли кость. Нет ли ушиба мозга.

— Майлз! — окликнула я.

Он оказался рядом почти сразу.

— Головой приложился, — сказала я. — В сознании, но тормозит. Рану пока только прижать. Нужен кто-то, кто за ним присмотрит. Если отрубится — лови и сразу поворачивай набок, чтобы рвотой не задохнулся. Всем телом, голову отдельно не вертеть.

Майлз обернулся.

— Грэм! Сюда. Сядешь рядом. Не даешь встать. Если перестанет отвечать — орешь.

Грэм подбежал, опустился на колени.

Я продолжала оглядываться.

Нога.

Я добралась до парня, который все это время орал, и сразу поняла почему. Ступня смотрела чуть в сторону, куда ей смотреть точно не полагалось. Видимо, когда его швырнуло взрывом, тело провернуло прежде чем нога оторвалась от пола.

К нему уже присел кто-то из наших, вытянул руки.

— Попробую собрать кости...

— Не смей!

Он отдернул ладони.

— Там же перелом.

— Я не уверена. И вообще, ты знаешь, что там сломано и как оно сейчас стоит?

Он растерянно покачал головой.

— Майлз, сюда шину. Фиксируем как есть, потом разберутся.

Где все? Прошла, кажется, целая вечность. Где носит Марту?

— Рой! — скомандовал Майлз. — Найди что-нибудь длинное, ровное и крепкое.

Рой нервно хихикнул, выразительно опустив глаза на свой пах.

— Оторвать что ли?

— Если хватит на шину, можешь оторвать, — резко осадил приятеля Гаррет. — Но лучше не лъсти себе.

— Дюк! — заорал вдруг Харт.

Я обернулась как раз когда Дюк начал заваливаться набок.

Глава 4

Харт перехватил его за плечи и опустил на пол. Лицо у Дюка стало белым, губы — тоже, на лбу блеснул пот. Под ним — лужа крови. Берна? Или Дюка?

— Какого хрена ты молчал? — Харт торопливо ощупывал друга. — Кажется здесь.

Дюк охнул. Харт рванул штанину, обнажая его бедро.

И глубокий косой порез, из которого и лилась кровь — густая, темная, почти черная.

— Вену резануло, — Харт выругался. Склонился, засветилась магия.

Дюк дернулся.

Порез начал затягиваться. Кровь перестала течь.

— Какого хрена ты молчал? — повторил Харт.

— Так вроде не болело, — растерянно произнес Дюк.

Харт выругался и привалился спиной к стене.

— Ты как? — спросил Майлз.

Харт мрачно хмыкнул.

— Замечательно. Просто охрененно.

Я отвернулась.

У следующего рукав висел лохмотьями. Под ним от плеча почти до локтя расходилась широкая рана, края кожи вывернулись наружу. Кровь текла, но спокойно, без пульсирующих толчков.

Наконец-то хоть что-то понятное. Я не стала трогать рану руками, только присмотрелась. Стекла вроде не видно. Пальцы чувствует, шевелить может. Здесь можно затягивать.

Я потянулась магией, но Майлз положил руку мне на плечо.

— Не трать время. — он поднял голову. — Фергус!

Откуда-то из-за опрокинутой витрины показалась взлохмаченная голова.

— Мне хреново, — выползая отозвался Фергус и надел на нос очки. Надо же, не разбились — только пошли паутиной.

— Всем хреново, — отрезал старший. — Сюда, быстро.

Фергус посмотрел внимательней — и тут же подбежал. Значит, не так уж хреново.

— Посмотри, справишься ли, — скомандовал Майлз. — Не уверен — не лезь.

Фергус кивнул, засветилась магия.

— Эйра! — окликнул Грэм.

Дейла все-таки вырвало. Грэм придерживал его за плечи, не давая завалиться вперед.

— На бок, — сказала я. — И рассечение прижми. Чем-нибудь чистым.

— Чем?

В самом деле. Чистого здесь не осталось примерно ничего. На полу валялись пропитанные кровью куски формы, осколки, обломки препаратов. Собственную рубаху Рой тоже успел где-то испачкать.

Впрочем, кое-что осталось. Шикарные портьеры цвета ночного неба пережили ударную волну почти без потерь. Темно-синий бархат ниспадал до самого пола, неуместно роскошный посреди разгромленного музея.

Майлз проследил за моим взглядом. Несколько секунд мы молча смотрели на портьеры.

— Родхарт! — заорал он.

Тот поднял голову.

— Чего?

— Шторы снимай.

Родхарт перевел взгляд с Майлза на окна, потом на меня, потом снова на окна.

— Снимать? Seriously?

— Нет! ... — Майлз проглотил крепкое словечко. — Полюбуйся и возвращайся!

Подняться у Родхарта вышло не с первого раза — пришлось ухватиться за край разбитого шкафа, и на миг я успела испугаться, что рыжий его уронит. Но оба устояли. Отдышавшись, Родхарт ругнулся и поплелся к окну. Кажется, магии у него не осталось совсем. Но когда рыжий вцепился обеими руками в портьеру и рванул стало ясно, что злость вполне способна заменить магию.

Где-то наверху жалобно скрипнули крепления.

— Да чтоб тебя...

Он рванул еще раз. Карниз отделился от стены вместе с куском штукатурки и с рухнул вниз. Темно-синий бархат накрыл Родхарта почти с головой.

— Цел? — крикнул Майлз.

Из-под портьеры показалась рука, изобразила неприличный жест.

Цел.

Я снова опустилась возле Дейла — Грэм уже уложил его на бок. Парень моргал, тяжело и медленно. Родхарт подошел, волоча за собой кусок портьеры.

— Штору я снял. Дальше что?

— Рви на бинты. В анатомичке у тебя хорошо получалось.

Рыжий нервно заржал. Через несколько секунд у меня в руках была первая полоса. Толстая, тяжелая, ворсистая — хорошо хоть, те же заклинания, что сохраняли экспонаты, уберегли ее от пыли.

Я сложила кусок в несколько раз и протянула Грэму.

— На рану. Прижми. И зафиксировать надо. Чепцом.

— Родхарт! — скомандовал Майлз.

Рыжий выругался и рванул еще одну полосу.

— Нашел! — донесся голос Роя.

Он тащил две длинные рейки, выломанные из остатков шкафа. Увидев Родхарта, остановился. Посмотрел на Дейла в роскошной темно-синей бархатной чалме и заржал.

— Ты чего? — зло спросил Родхарт.

— Зачет вспомнил, — ответил Рой, продолжая ржать. Только смех был нервным, в любую минуту готовым сорваться в истерику.

— Еще слово — сам будешь мотать.

— Будет, — кивнула я. — Шины нужно зафиксировать на ноге. Саму ногу не выпрямлять, как есть.

Рой посмотрел на рейки, на бархат в руках Родхарта и тяжело вздохнул.

Майлз ткнул пальцем в Дерек:

— Помоги ему.

Совершенно не к месту вспомнилось, что зачет по десмургии Дерек не сдал.

Фергус уже закончил с рукой. Рана стянулась неровной розовой полосой, зато кровь больше не текла. Сам Фергус сидел рядом на корточках, бледный, но вроде не выгоревший.

— Ты как? — спросила я.

— Магия есть, — он снял очки и вытер пальцами вспотевшую переносицу

— Передохни полминуты. — велел Майлз. — Потом...

Он осекся. Я проследила за его взглядом.

Дюк все еще сидел рядом с Берном. Харт тоже. На фоне остальных, которые двигались, говорили, ругались, они казались ненормально неподвижными. Дюк обнимал себя за плечи окровавленными руками. Харт смотрел куда-то вниз.

Майлз отвернулся.

— Потом.

Где Марта? Ее не было целую вечность.

За это время умер Берн. Нет, Берн умер раньше. Потом были Дерек, Дейл, перелом, Фергус, портьеры...

Сколько вообще прошло? Три минуты? Пятнадцать? Вечность?

— Майлз...

В коридоре застучали шаги. Быстрые. Тяжелые. Кто-то неся сюда что есть мочи.

Я успела только повернуться. Дверь распахнулась, ударившись о стену.

На пороге стоял Рейвен.

Глава 5. Альтер Рейвен

— Итак, что дальше? — спросил я.

— Подавляем активность этого участка.

— Насколько широко?

— Во всех клетках.

Я помолчал. Пятеро кадетов тоже молчали.

Лучшие мозги третьего курса. Будущие генетические хирурги, у которых хватало ума и дара, чтобы работать там, где ошибка в молекулу могла стоить пациенту жизни, сейчас смотрели на меня так, будто не понимали, почему ответ неправильный.

— Великолепно, — усмехнулся я. — Осталось решить маленькую проблему.

Кадет насторожился.

— Какую, ваше превосходительство?

— Что делать с пациентом после того, как вы его убьете.

Кто-то кашлянул, пряча смехок.

— Но дефект...

— Перестанет проявляться. Вместе с другими генами этого регуляторного контура. В клетках почки этот модуль патологически активен. В кардиомиоцитах он же поддерживает экспрессию двух генов, необходимых для нормальной электрической активности клетки.

Кадет нахмурился, соображая.

— Вы только что вылечили почку ценой фатальной аритмии, — пояснил я. — Все равно что сжечь дом, чтобы избавиться от таракана.

И ведь он не дурак. Дураки на этот курс не попадали. Иногда они соображали быстрее, чем я успевал закончить фразу.

Сегодня, видимо, был не их день. Или не мой.

На улице зазвенело стекло. Кадеты разом повернули головы к окну.

— Сидеть, — бросил я.

Здесь факультет целителей — но все же военных целителей. Стекла время от времени вылетали. Иногда — вместе с куском стены.

С улицы донесся вскрик. Я развернулся к окну.

Первым в глаза бросился дворник. Еще минуту назад его метла размеренно шаркала по асфальту. Теперь она валялась, а сам дворник удирал, не разбирая дороги.

Я подошел к окну вплотную и посмотрел туда, откуда он бежал.

В торце корпуса напротив в окне на всю стену зияла дыра.

Анатомический музей. Взрывать там нечему, и экспонаты вряд ли способны кого-то разозлить до желания вынести окна.

По дорожке от соседнего корпуса к башне шел человек. Серый мундир кадета залит кровью, так что я не сразу разглядел красные нашивки хирурга. И шел он прихрамывая, как-то не очень ловко держа левую руку.

Какого...

Парень поднял голову. Я узнал его.

Адриан Келлер приступил к занятиям на три недели позже, прикрывшись справкой о болезни. Вот только выгоревшие волосы и загар говорили о том, что последние три недели он провел явно не на больничной койке. Но справка была настоящей, доказательств у меня не было, а пробелы в обучении он нагнал быстро. Способный парень.

Но все это вылетело у меня из головы, когда я увидел его глаза.

Исчезла промозглая осенняя сырость, душная жара опалила кожу так что пот побежал вдоль позвоночника, воздух стал густым и вязким.

Я видел людей с такими же глазами— воспаленными, сосредоточенными, как будто в разуме осталась одна-единственная мысль, одна цель, в сравнении с которой все было неважно. Видел как человек встает, выламывая из сустава собственную руку, за которую его пытались удержать на болевой, потому что боль сейчас тоже неважна.

Колониальный мор.

Келлер смотрел на меня. Поднял здоровую руку, и я развернул щит прежде чем успел подумать, что именно делаю.

Оконное стекло разлетелось, осколки ударились о щит и посыпались на улицу. Щит устоял — и не скажу, что это далось мне легко. Парень, конечно, был хорош — иные до третьего курса не доходят.

Но не настолько силен.

За спиной загрохотали стулья.

— Стоять! — рявкнул я, не оборачиваясь. — Не лезть!

Где Келлер должен был быть сейчас? Я припомнил расписание.

Оперативная хирургия, углубленный курс. Значит из учебной комнаты он и прошел в музей. Повезло. Экспонаты, конечно, жаль, но если бы на его пути попала аудитория, полная студентов, было бы куда хуже.

Хорошо что середина пары и во дворе никто не шляется.

Если во всем этом вообще было хоть что-то хорошее.

Келлер продолжал смотреть на меня. А за моей спиной оставались пять человек, каждый из которых слишком дорог, чтобы проверять, удержу ли я щит после следующей атаки.

Я вскочил на подоконник.

— Лорд Рейвен... — выдохнул кто-то за спиной.

— Не лезть, — повторил я и спрыгнул.

Земля рванулась навстречу. Короткий магический импульс себе под ноги, чтобы сбить скорость за пару футов до того как они коснутся земли. Позволить инерции повести тело вниз, сгибая колени, качнуться вперед, уходя в перекат.

Через миг я уже стоял на ногах.

Келлер ухмыльнулся.

— Сам пришел.

Значит, по окну он шарахнул не пытаясь упредить мой удар. Он искал меня — и вряд ли за тем, чтобы поблагодарить за науку.

Один удар. Насмерть.

От мора нет лекарства — если Вита и нашла его, записать не успела — и сколько я потом ни перебирал ее заметки, волшебного эликсира не обнаружил. Келлер был уже мертв, только мозг его, который сейчас дожирал вирус, пока об этом не знал.

Один удар, быстрый и милосердный.

Адриан Келлер. На первом курсе зачет по физподготовке едва сдал с третьего раза. Генетическую хирургию — с первого, и я был бы рад видеть его на спецкурсе, но он решил остановиться на обычной.

Двадцать один год. Потенциально диплом с отличием.

Я промедлил долю секунды.

Ему хватило, чтобы ударить почти в упор. Я развернул щит, но упереть в землю не успел, и меня снесло вместе с ним. Спина влетела в стену. Воздух вышибло из легких, в глазах вспыхнули искры и на миг стало темно.

Сознание вернулось с болью. Я втянул воздух — бок прострелило так, что вдох оборвался.

Перелом или ушиб?

Плевать.

Келлер шел ко мне. Белки глаз залило кровью. Кровь текла из носа на подбородок, магические каналы, обычно невидимые, вздулись будто вены.

Шел и собирал новый удар.

Там, в колониях, зараженных магов я не видел. Однако читал, конечно же. Болезнь убирала ограничения, которые есть у любого нормального тела. Боль, усталость, страх — все это переставало существовать. Я видел как женщина голыми руками перевернула экипаж. Как мужчина кулаком проломил кирпичную стену.

У мага вирус выжимал все возможное не только из тела, но и из магического резерва, казалось, увеличивая его в разы. Выжигая его, пока не убьет носителя.

Келлер не стал лучше меня. Просто мне нужно было пережить следующий собственный удар.

Ему — нет.

Я ударил по контуру, сбивая заклинания. Плетение Келлера рассыпалось. Тут же — по мышцам ног, заставляя их потерять тонус.

Он споткнулся, но устоял.

Твою мать.

Я ударил еще раз — по проводящим каналам. Келлер дернулся. Остановился.

И сложился.

Я оказался рядом прежде, чем успел подумать. Перевернул его на спину, приложил пальцы к шее.

Глава 6

Пульс бился часто, беспорядочно и с каждой секундой слабел. Резерв — пустой, настолько что сейчас даже тени дара нельзя было предположить в этом теле. Магические каналы сожжены.

Если парень вдруг каким-то чудом выживет, магом он быть перестанет. Навсегда.

Наверное, можно было бы попробовать поддержать сердце. Продлить агонию.

Двадцать один год.

Келлер еще дышал, и это было хуже всего.

Я прислушался. Хрипов нет. Крови в мокроте, насколько можно определить магией, тоже. Слизистые чистые.

Только это ничего не значило. Вирус уже мог перестроить экспрессию генов клеток дыхательных путей под себя, пробраться в них и начать размножаться.

И если так, Келлер несколько часов — в лучшем случае несколько часов — ходил по академии и дышал. Старшекурсники живут в отдельных комнатах, но оставались аудитории и столовые.

И я, который до сих пор сидел в паре шагов от него.

Если анализ подтвердит легочную форму, нужно будет написать завешание.

Если анализ подтвердит легочную форму, академию можно будет закрывать.

Я поднял голову. В разбитом окне башни торчали пять бледных физиономий. Будущие генетические хирурги честно выполнили приказ не лезть и сейчас организованно наблюдали сверху.

— Моррен, Вейр, немедленно к Горнету. Биологическая тревога, четвертый уровень. Доложите все что видели. Подозрение на колониальный мор, возможна легочная форма.

Все пятеро позеленели. По крайней мере, эпидемиологию они не проспали.

— Марш!

— Есть!

Двое исчезли.

Остальные трое тоже — отодвинулись подальше от окна, хотя на таком расстоянии надышать на них Келлер не мог.

А мне придется постоять здесь, отгоняя возможных любопытных, пока Горнет не приведет людей, чтобы убрать Келлера в изолятор.

Потом — оцепить факультет, поднять санитарную службу, запустить эпидрасследование — с кем Келлер мог контактировать за пределами академии, обмениваясь биологическими жидкостями. Если легочная форма подтвердится — придется поднимать вообще все его контакты.

А заодно придется изолировать и меня. Не прямо сегодня — даже если я и заразился, до того как вирус достигнет нужной концентрации в клетках дыхательных путей еще есть время. Сегодняшний день точно.

Дальше...

Что ж, в изоляторе я хотя бы выплусь.

Только вопрос стоял не о том, сдохну ли я лично. Если это легочная форма — скольких человек Келлер успел заразить?

И когда ждать реализации протокола «пепел»?

— Ваше превосходительство! Лорд Рейвен!

Я вскинул голову.

Со стороны соседнего корпуса бежала Оакс. И орала во всю глотку.

Тихая мышь Оакс которая все время норовила слиться с местностью чтобы не привлекать к себе внимания.

Она споткнулась, но все же удержалась на ногах. Остановившись, оперлась о колени, хватая ртом воздух.— Там... Этот... В музее... Первый... курс. Экскурсия.

Я посмотрел на разбитое окно музея.

Первый курс.

Экскурсия.

Додумать я не успел — сорвался с места раньше. Ребра отозвались на первом же шаге. В голове все еще звенело.

Плевать.

Первый курс. Против человека, который едва не отправил на тот свет меня, со всем моим опытом.

Остался ли там хоть кто-то живой?

Я пролетел двор. Кто-то шарахнулся, кто-то крикнул вслед. Генерал, бегущий что есть мочи посреди бела дня, зрелище не то чтобы успокаивающее. Сейчас мне было все равно.

До входа оставалось шагов двадцать, когда бок прострелило снова. Я проглотил ругательство — легкие следовало поберечь — и побежал дальше.

Лестница. Через ступеньку. На втором пролете ребра начали возражать против каждого вдоха. После третьего к звону в голове добавился стук крови в висках.

Тридцать человек. Первый курс. Келлеру хватило пары секунд, чтобы едва не размазать меня о стену.

Сколько времени было у них?

Еще до двери музея я слышал голоса. Остановился так резко, что едва не свалился.

Если бы там кричали в ужасе, стонали, или было вовсе тихо, я бы не замедлил шага. Но там говорили. Кто-то командовал. Кто-то отвечал.

Живые.

Я дернул створку так что она шарахнулась о стену. Осмысленную картину мозг сложил не сразу.

Витрины разбиты. На полу стекло, куски дерева, ошметки учебных препаратов. Одна из портьер сорвана целиком. Кровь была везде — на полу, на форме, на стенах. Люди тоже были везде. Сидели. Лежали. Стояли на коленях возле других.

Взгляд метнулся по залу — и сразу зацепился за стройную фигурку.

Фростгард. Вся в крови. Сердце ухнуло когда-то вниз.

Стоит нормально. Ни за что не держится. Двигается уверенно. Кровь не ее.

Я выдохнул и только после этого увидел остальное.

Крайт лежит у стены. Через шею тянется свежий красный шрам. Вот колыхнулась грудная клетка. Жив. Вокруг цветные осколки и кровь.

Кадет. Из-под ребра торчит кусок стекла.

Я скрипнул зубами. Второй раз смотреть не требовалось.

Еще один кадет. Нога зафиксирована между двумя деревянными рейками.

У стены кто-то что-то делал с целительской магией, из-за спины не разглядеть.

Парень в роскошном бархатном тюрбане. Я моргнул. Тюрбан не исчез.

Рядом с парнем в тюрбане сидел еще один кадет и что-то негромко, но настойчиво у него спрашивал. Тот не отвечал.

Что-то было не так. Пропади все пропадом, в этом бардаке все было не так, но... До меня наконец дошло.

Я бы понял, если бы одни рыдали, вторые лежали в обмороке, третьи рвали на себе волосы. Но все было спокойно — если это слово вообще применимо к творящемуся вокруг. Все либо приходили в себя, либо были заняты делом.

От группы у стены отделился старший. Остановился передо мной, вытянулся, свел пятки.

— Ваше превосходительство, кадет Майлз. Разрешите доложить обстановку.

Я перевел взгляд с него на тюрбан. На лежащую под окном гардину.

Штора. Они пустили на повязки штору. Вот откуда тюрбан. Почему от от того что я это понял, стало намного легче.

— Докладывайте.

— Группа первого курса находилась в музее на экскурсии под руководством профессора Крайта. Кадет третьего курса разбил витраж, напал на профессора и применил магию по группе. Профессор получил ранение шеи...

Судя по расположению шрама и по количеству крови вокруг Крайта он отключился в первую же минуту.

— После чего нападавший покинул музей через окно. Кадет Фростгард остановила кровотечение...

Фростгард.

Тридцать человек в разгромленном зале, но она начинает действовать первой. Хорошие руки и нервы крепкие.

Только это не имело никакого отношения к тому, что среди этого бардака первой я высмотрел ее.

Твою мать!

— Кадет Берн погиб, — голос Майлза все же чуть сел. — Профессор Крайт не мог руководить, поэтому командование принял я.

Он продолжал перечислять пострадавших и принятые меры, я слушал его и пытался уложить происходящее в голове.

Не получалось.

Первогодки, желторотики. Без единого взрослого — бессознательного Крайта не считаем. Пока я героически позволял Келлеру размазывать себя по стенке, эти дети организовали триаж и первую помощь — насколько умели. Умели, конечно, так себе — но все же никому не навредили.

И даже спасли — Крайта уж точно.

Медсестра и старший первого курса. Мне пора писать прошение об отставке — я здесь явно больше не нужен.

Глава 7. Эйра Фростгард

На мгновение я снова увидела ту тень, что отделилась от стены в кабинете ректора. Только тогда стальные глаза смотрели сквозь меня, сейчас — остановились на мне сразу, и я замерла под этим взглядом. А он все смотрел — на лицо, руки, на начавшую дубеть от крови форму, и я не могла отвести от него взгляд.

Ректор выглядел... неправильно. На темно-синем мундире серела пыль. Волосы растрепались. Лицо побледнело. Он попытался вздохнуть — и вдох оборвался посередине, а правый локоть прижался к боку.

Его превосходительство где-то успел получить по ребрам.

И после этого умудрился бежать.

Что-то промелькнуло в его лице и исчезло, прежде чем я успела разобрать выражение. Взгляд ушел дальше — к Крайту, Берну, людям на полу. И я, наконец, смогла вздохнуть.

Майлз выступил вперед и начал докладывать. Рейвен повернулся к нему, и поначалу мне показалось, что он не слушает. Челюсти стиснуты, взгляд мечется по залу. В следующий миг до меня дошло, что ректор смотрит ровно на то, о чем говорит Майлз.

Тот стоял прямой, будто палку проглотил, и только пальцы норовили стиснуть боковой шов брюк.

Рейвен перестал оглядывать зал и посмотрел на него. На лице промелькнуло нечто... Как будто он обнаружил, что лабораторные крысы в его отсутствие сами поставили опыт, записали результат и аккуратно прибрали за собой.

Ректор коротко кивнул. Майлз едва заметно выдохнул.

Снова застучали шаги в коридоре.

Марта ввалилась в зал, ухватила за косяк и согнулась пополам. Лицо пылало так, будто ее окунули в кипяток, волосы прилипли ко лбу, грудь ходила ходуном. Она открыла рот, явно собираясь что-то сказать, но вместо слов вырвалось только сипение.

Рейвен развернулся к ней.

— Оакс. Немедленно в лазарет. Сообщите о происшествии. Биологическая тревога, уровень четыре. Потом найдите Дрогана и доложите ему обо всем, что видели.

Я уставилась на него. Он в уме? Марта же сдохнет сейчас. Физподготовка физподготовкой, но она была здесь всего неделю и точно не привыкла к таким пробежкам. До лазарета она в лучшем случае доползет.

— Ваше превосходительство, — Майлз тоже смотрел на нее. — Я быстрее и выносливее.

— Она единственная из вас не в крови. Оакс.

— Есть! — просипела та и снова исчезла.

Рейвен снова оглядел зал.

Взгляд остановился на Дейле.

Он безошибочно направился к нему и опустился на корточки рядом.

— Кадет Вестер!

Дейл не ответил. Глаза были закрыты, лицо обмякло.

Рейвен взял его за руку и так стиснул кончик пальца, что ноготь побелел.

Дейл глухо замычал и попытался отдернуть руку.

— Давно он такой?

— Нет, ваше превосходительство, — быстро ответил Грэм. — Только что. Минуту назад отвечал.

Рейвен поднял голову.

— Все, кто еще способен что-то воспринимать, сюда.

Я оказалась рядом раньше, чем успела подумать, что стоило бы держаться от него подальше. Тут же подтянулся Фергус, следом Рой, еще кто-то. Майлз остался чуть в стороне, продолжая следить за залом.

— Грэм, снимайте повязку.

Тот принялся разматывать роскошный синий тюрбан.

Рейвен снова повернулся к Дейлу.

— Травма головы. Тошнота. Рвота. Нарастающее угнетение сознания. Сейчас — сопор.

— На голос не реагирует, на боль еще реагирует, — пробормотала я себе под нос.

Рейвен приподнял сначала одно веко, потом другое. Правый зрачок был заметно шире.

— Анизокория, — он коротко оглянулся на парней и перевел. — Зрачки разного размера.

— Когда я смотрела, были одинаковые, — сказала я.

— Значит, процесс нарастает.

Над головой Дейла вспыхнуло диагностическое поле. Сначала проявились кости черепа. По правой стороне тонкой неровной линией прошел перелом. Затем глубже проступили оболочки мозга — и темное скопление между костью и твердой оболочкой.

— Эпидуральная гематома, — сказал Рейвен. — Между костью черепа и твердой мозговой оболочкой.

В поле появилась тонкая красная линия.

— Передняя ветвь средней менингеальной артерии. Проходит по внутренней поверхности черепа. Линия перелома пересекла ее борозду.

— Так вот зачем мы учили эти проклятые борозды... — буркнул Родхарт.

— Кровотечение артериальное, — продолжил ректор. — Гематома увеличивается. Череп не растягивается. Каждый новый объем крови отнимает место у мозга.

— Мозгу приходится ужаться? — любопытствовал Рой.

— Нет. Сначала из черепа вытесняются ликвор и венозная кровь. Но этот резерв ограничен. Когда он заканчивается, мозг начинает смещаться. Сейчас гематома смещает медиальные отделы височной доли внутрь и вниз. Здесь, у края намета мозжечка, проходит третий черепной нерв — глазодвигательный. В его составе идут волокна, отвечающие за сужение зрачка. Их уже сдавливает. Отсюда расширение правого зрачка.

Рейвен чуть сместил диагностическое поле.

— Намет мозжечка — складка твердой мозговой оболочки. Его свободный край образует вырезку, через которую проходит ствол мозга. Височная доля уже начинает смещаться под этот край. Это начало вклинения. Если давление продолжит расти, смещение усилится и начнет сдавливать ствол.

— И тогда? — спросил кто-то.

— В стволе мозга находятся центры, отвечающие за дыхание и поддержание кровообращения.

— То есть он... умрет. — сказал Фергус.

Стало очень тихо.

— Если вовремя не оказать помощь.

Грэм наконец стянул последние слои бархата. Волосы Дейла слиплись от крови.

Рейвен провел над его головой ладонью, продолжая вглядываться в диагностическое поле.

— В нормальных условиях нужно было бы обработать операционное поле, вскрыть участок кости, удалить сгусток крови и остановить кровотечение из артерии. И делать все это следует в операционной, а не на полу анатомического музея.

Он помолчал долю секунды.

— Но до операционной Вестер может не дожить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.